

УДК 343

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Подкорытова Л. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Одним из видов социального отклонения, существенно влияющим на функционирование всего общества, является преступление. В статье исследуются вопросы исторической изменчивости понятия и круга преступлений при едином понимании их отрицательного влияния на общество. Подчеркивается потребность общества своевременно и правильно реагировать на негативное поведение отдельных индивидов, устанавливая наиболее значимые общественные блага (ценности), подлежащие охране под угрозой наказания. Анализируя ориентиры для определения ценностей, охраняемых государством, отмечается, что они зависят от экономических отношений в обществе, а также от уровня цивилизационного развития государства. Подчеркивается, что триада таких ценностей, как собственность, личность, государство, защищалась на всех исторических этапах развития общества. Анализируется исторический опыт формирования уголовно-правовых понятий, вопрос о соотношении формального и материального в едином понимании преступления. Подчеркивается, что только факта фиксации деяния в уголовном законе недостаточно, чтобы определить само понятие преступления. Необходим доктринальный анализ легально закрепленных в законодательстве положений и научный поиск оптимальной конструкции понятия преступления как фундаментальной категории. Делаются выводы о необходимости охраны не только классовых и групповых интересов, но и общечеловеческих ценностей от преступных посягательств.

Ключевые слова: преступление, государство, общество, личность, социальная ценность, законодательство, правовая доктрина.

Любое общество нуждается для продолжения существования в определенной упорядоченности своей жизни и согласования разнообразных (а нередко и противоречивых) интересов отдельных индивидов. Уровень и характер организованности определяются многими факторами (конкретными условиями существования того или иного общества, природными условиями, историческим периодом, религиозными предпочтениями, эстетическими и нравственными понятиями) и проявлялось это в различного рода ограничениях, которые (добровольно на основе согласия или в силу принуждения) возлагались на членов общества, что вызывалось объективной необходимостью [1, с. 141].

Любые виды социального отклонения от установленных норм и правил поведения обществом порицались, а те, которые наиболее существенно затрагивали интересы общества, воспринимались крайне отрицательно, поскольку они причиняли вред общим социальным благам, т.е. «переступали за какой-то предел, разрушая целостность этого общества» [2, с. 47]. Вызванное необходимостью выживания в первобытном обществе подчинение установленным запретительным нормам поведения (табу) обеспечивалось силой общественного сознания, не требовало применения принуждения, однако (вплоть до изгнания) жесткие меры к нарушителям, применяемые от имени социальной власти, и постепенно сформировалось под страхом лишения общественной поддержки понятие недопустимости нарушения установ-

ленных правил. В ходе исторического цивилизационного развития интересы отдельных индивидов всё больше вступают в противоречие (иногда открытое и жесткое) и государство берёт на себя обязанность принуждения, что меняет механизм регуляции и согласования интересов человека и общества через принятие четких правовых норм, однако уже не только запретительных, но и обязывающих, и разрешительных. Нормы права разграничивают поведение отдельного человека, учитывая интересы не только всего общества, но и отдельных его групп и индивидов, на дозволенное и недозволенное, правомерное и неправомерное, поощряемое и наказуемое.

Действия государства, устанавливающие чётко определённую границу допустимого поведения человека, вызывают негативную реакцию части общества, поскольку наличие любого запрета предполагает объективную необходимость или возможность его нарушения. При расхождении интересов личности и государства возникает противопоставление поведения личности требованиям правовой нормы. Именно это имел в виду Н. С. Таганцев, подчёркивая, что преступление «заключает в себе переход..., отклонение на разрешение чего-то». Негативное поведение человека (активное или пассивное) вначале рассматривалось государством обобщённым понятием «обида», «грех», но постепенно происходит индивидуализация конкретной личности с учётом нарушения конкретного запрета. Государство выделяет наиболее значимые общественные блага (ценности), необходимые для реальной охраны интересов социальных классов или групп, индивидуумов, ограничивая круг допустимого поведения индивидуальной личности императивными требованиями (запретами) не причинять им существенный вред под угрозой наказания, т.е. появляются нормы уголовно-правовой ответственности, хотя они ещё не выделяются среди иных норм, термин «преступление» в российском законодательстве появился лишь в XIX в. Ориентиры для определения ценностей, на защиту которых направляет усилия государство, зависят от экономических отношений в общества, а также от цивилизационного развития той или иной страны, однако триада ценностей «собственность, личность, государство» защищалась всегда. В условиях исторических изменений того или иного общества значимость указанных ценностей переносилась из одной категории на другую, но общая совокупность их оставалась неизменной.

Так, уголовно-правовые нормы Древних государств обеспечивали защиту интересов одного господствующего класса рабовладельцев, карательная политика ограничивала рабов от действия правовых норм, определяя их не субъектами, а объектами правоотношений. Законник царя Хаммурапи определяет: «Если человек выколол глаз сыну человека, (то) должно выколоть ему глаз. Если от выколол глаз рабу человека..., (то) он должен отвесить половину его (покупной) цены»; Законы Ману: «Никогда нельзя убивать брахмана, даже погрязшего во всяческих пороках»; Институты Гая: «Основное деление, относящееся к праву лиц, заключается в том, что все люди суть или свободные, или рабы; Византия. Эколога: «Укрывший свободного человека..., да подвергнется отсечению руки. Укрывший чужого раба..., отдаёт ещё и другого» [3, с. 29]. Право феодального общества в условиях социального неравенства при новой экономической формации основное внимание уделяло охране имущественных интересов класса феодалов, применяя за посягательство на жизнь и здоровье человека имущественный эквивалент компенсационного возмещения, измеряя социальную ценность личности материальной стоимостью. Право

весьма подробно рассматривает все возможные случаи посягательства на собственность (конкретизируются варианты и риски ущерба экономических интересов собственников – кража дичи, свиней, животных, рабов, лодок, колокольчика для свиньи, повреждение изгороди и т.д.), также детально определяется порядок возмещения ущерба с учётом равноценной денежной компенсации потерпевшим [4, с. 203].

Постепенно экономический интерес в обществе становится преобладающим, и в XVIII в. Законом испанского короля Дона Альфонса компенсация при потере собственности выплачивается независимо от сословия не только сеньорам, но и вассалам. Буржуазное государство, отменив все сословные привилегии и провозгласив формальное равенство перед законом, в формах и методах правового воздействия продолжало сохранять ориентиры на защиту правящего класса собственников. Примером тому являются нормы ст. ст. 39 и 40 Великой хартии вольностей, подписанной английским королем в 1215 г., в которых гарантия политического и экономического равенства адресовалась лишь баронам [4, с. 307]. Новые формы правосознания проникают в общество только с изменением экономических условий существования, возникновением послефеодального рынка со свободной торговлей и частным предпринимательством, в основу которых были положены идеи Томаса Гоббса о естественном равенстве людей между собой и Джона Локка о праве личности на жизнь, свободу и собственность [5, с. 182]. Позднее утвердившаяся в Европе доктрина Ш. Монтескье о разделении властей стремилась обосновать принципы законности и политической свободы. Это позволило итальянскому просветителю Чезаре Беккариа в 1764 г. развить теорию общественного договора в условиях активизации экономической и общественной жизни Италии, что привело к возникновению классической школы уголовного права с идеями взаимной ответственности государства и граждан для создания общества, в котором найдёт своё выражение высшая свобода человека – право совершать всё, что не запрещено законом [6, с. 56]. Просветительно-гуманистические идеи Ч. Беккариа в период Французской революции 1789 г. оказали влияние на формирование основных принципов уголовного права, закреплённых в ст. 5 Декларации прав человека и гражданина – «всё, что не запрещено законом, не может встречать препятствия и никто не может быть принужден к выполнению того, что законом не предусмотрено». Классический (формальный) подход к пониманию норм уголовного права раскрывает содержание ст. 7 Декларации: «никто не может быть обвинен, арестован или заключен под стражу, иначе как в случаях, определённых законом», а также ст. 4 Декларации: «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона» На таких же принципах основана и Конституция Франции 1810 г., утверждавшая: «всё, что не запрещено законом, дозволено» [7, с. 13]. Данную доктрину полностью восприняли представители немецкой философии А. Фейербах, И. Бентам, Г. Гегель, которые, развивая политические и нравственные идеи Вольтера, сформулировали важнейший принцип уголовного права: «нет наказания без закона», что было необходимо для формирования идеологии правового, социально-ориентированного государства. Приверженцы классической школы выработали теоретические положения, позволявшие говорить о создании правовой базы для охраны интересов личности и гарантиях защиты от произвола и субъективизма правящей элиты государства, были выработаны понятия вины, покушения, соучастия, выделены элементы состава преступления [8, с. 18]. Постепенно смещается восприятие нарушений социальных и правовых норм,

акцент переносится с интересов всего общества на интересы отдельной личности, от деяния на преступника. Впервые проявляется социальная сущность права, когда указанием на необходимость строгого соблюдения предписаний закона независимо от сословной принадлежности ограничивается произвол господствующего класса. Подобный подход получил широкую поддержку общественного мнения во многих странах, поскольку проводил регулирование общественных интересов на началах равенства, устраняя принципы феодальной юрисдикции. Сторонники такого (нормативистского) подхода утверждали, что лишь строгое следование правовым предписаниям позволит установить порядок в обществе, и следовать этим правилам необходимо неукоснительно. При этом запрещенность для всех воспринималась как элемент стабильности, упорядоченности и справедливости. Принцип «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без указания о том в законе») закреплён в ст. 113-3 Уголовного кодекса Франции и в ст. 14 Уголовного кодекса Германии, указавшей, что преступлением является «запрещенное под угрозой наказания деяние» [9, с. 86].

Аналогично воспринималась сущность уголовного права и в российском законодательстве 1845–1864 гг., а также в ст. 1 Уложения 1903 г. («преступлением признаётся деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания») [10, с. 12]. Английский правовед лорд Эткин в 1931 г. также утверждал, что понятие преступления возможно раскрыть при помощи лишь одного стандарта: «чтобы деяние было запрещено под страхом наказания». Вместе с тем подобные рассуждения не позволяли чётко определить критерии, по которым законодатель проведет оценку того или иного деяния. Провозглашая независимость от субъективизма юрисдикции, учёные не устанавливали ограничений для законодателя, и это не могло удовлетворить общество. Всё более актуальной становилась проблема о сущности не просто неправомерного, а именно преступного деяния, каковы качественные критерии, позволяющие говорить о преступном нарушении, поскольку факта фиксации деяния в уголовном законе недостаточно, чтобы определить само понятие преступления и уже английская законодательная доктрина подчёркивает, что «невозможно выработать понятие, удовлетворяющее всех» [11, с. 186].

XX век с его монополистическим и государственно-монополистическим капиталом во многих странах изменил социально-экономические реалии, и государства отходят от формального восприятия уголовно-правовых отношений. Основное внимание переносится на факторы, определяющие обусловленность поведения человека (как правомерного, так и неправомерного), учитывая в первую очередь социальные факторы, позволяющие понять сущность преступления. Возникает социологическая школа, представители которой (Ф. Граматика, Д. Фрэнк, М. Ансель, В. А. Туманов, В. А. Карташов) переносят акцент не на наказание, а на защиту общества от личности, оказавшейся за гранью дозволенного в силу сложившихся социальных условий жёсткого капиталистического общества. [11, с. 212]. Однако пропагандируемая доктрина социальной защиты, гуманизации наказания, ресоциализации преступника широкого распространения не получила, Европа оставалась в рамках формального понимания борьбы с преступностью. С наибольшей остротой проявилась эта проблема в России, когда отсутствие нормативных актов после 1917 г. затрудняло формирование нового советского государства в условиях гражданской войны. Государство, проводя уголовную политику, реализовывало принцип антагонизма борющихся классов и необходимости утверждения идеологии победившего

класса трудящихся. При таких условиях в режиме военного времени прежние теоретические выводы были отвергнуты и правовое регулирование исходило из интересов социалистических правоотношений. Формальный подход был отменен, основным становится социальное значение деяния, которое относится к неправомерному исходя из его социального содержания при сложившемся правосознании граждан.

В Основах уголовного законодательства 1919 г. было введено, а в 1922 г. в ст. 6 Уголовного Кодекса РСФСР закреплено понятие преступления как «всякое общественно-опасное действие или бездействие, вредоносное для интересов социалистических правоотношений». Подобная трактовка (т.е. материалистический подход) сохранялась длительное время, изменялся лишь защищаемый объект социалистических отношений, вначале это: «угроза основам советского строя и правопорядка», затем: «общественный строй, его политическая и экономическая системы, собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно-опасное деяние, предусмотренное уголовным законом», но при этом уже отмечается признак противоправности, т.е. элемент формального восприятия норм уголовного права [12, с. 36]. Таким образом, складывалось неоднозначное понимание сущности преступления, которое ориентировалось одновременно на защиту правопорядка (а не социальных ценностей), но не отвергало значение общественной опасности как элемента понятия преступления.

Вопрос о соотношении формального и материального в едином понимании преступления стал особо актуальным во время подготовки нового Уголовного Кодекса Российской Федерации. Дискуссии наиболее активно развернулись о подходе к пониманию преступления. В поддержку формально-материального подхода высказывал определённые доводы А. В. Наумов, который предлагал использовать лишь правовые характеристики деяния, не выводя на первый план социальную природу преступления [13, с. 52]. Другие юристы (В. И. Баранов) отстаивали материальное определение, указывая на возможность государства своевременно реагировать на изменение социальных или политических реалий в общественной жизни, поскольку именно материальный подход позволяет выявить принцип включения того или иного деяния в разряд преступных, что невозможно осуществить при формально-классовой трактовке [14, с. 24].

Достаточно длительная дискуссия о сущности неправомерного поведения, которое следует определять понятием «преступление», длилась до 1996 г. и остановилась после принятия нового Уголовного Кодекса Российской Федерации. Законодательно определено, что преступлением признаётся [15, с. 166]. Вместе с тем, вряд ли возможно согласиться с мнением В.П. Малкова о том, что «в уголовном праве завершилась дискуссия о дефиниции преступления» [16, с. 4].

К моменту принятия Уголовного Кодекса РФ 1996 г. в обществе преобладала материалистическая трактовка спорной проблемы определения понятия преступления, и содержание нового закона не могло не вызвать в обществе широкого обсуждения, т.к. взгляды сторонников материалистического подхода базировались на исторически сложившемся мнении прогрессивных деятелей российского общества. В конце XIX в. В. Д. Спасович доказывал, что объективным свойством любого преступления является его способность причинить вред обществу и что именно анти-социальный характер является «виновно совершенное общественно опасное деяние,

запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания (ч.1 ст. 14 УК РФ) «мотивом отнесения деяния к числу преступлений» [17, с. 283], И.Д. Сергиевский считал, что преступление «есть деяние, причиняющее вред обществу или частным лицам» [18, с. 124]. Аналогичные взгляды высказывали и английские учёные: «преступлением является всякое нарушение права, рассматриваемое с точки зрения вредной направленности такого нарушения против общества в целом» [19, с. 428].

Теоретические исследования продолжались с учётом не только общественных и социальных реалий, но и на основе философского осмысления сущности современного общества, его интересов и насущных потребностей. Одним из первых о необходимости дальнейших исследований говорил И. А. Гонтарь, который не просто показал неоднозначность подходов к проблеме преступности, но и подчеркнул необходимость установления соответствия между общественно опасным деянием и содержанием предусматривающей его уголовно-правовой нормы, отдавая при этом приоритет социальной оценке преступного деяния [20, с. 147].

Представляется совершенно обоснованным мнение о том, что общественная опасность деяния как критерий определения преступления возникает в результате изменения социального отношения к негативным проявлениям, которая определяется и устанавливается не субъективной волей господствующего класса, а является объективной категорией, свидетельствующей о ценностных общественных ориентирах. Вместе с тем, необходимо отметить, что объективный характер восприятия социальной опасности преступных проявлений следует понимать с позиций справедливости как фундаментального принципа правового регулирования. Исторический аспект развития человеческого общества свидетельствует о том, что категория «справедливость» не является неизменной, поскольку её понятие определяется социально-экономической формацией того или иного государства, и справедливым было то, что считалось справедливым «в то или иное время в том или ином обществе» [21, с. 358], т.е. сочетание как объективного, так и субъективного, что не может не создавать сложности в практической реализации правовых предписаний. Данную сложность, видимо, призвано разрешать положение ст. 14 УК РФ, где в ч.1 зафиксировано формальное понимание преступления, а в ч. 2 УК РФ подчеркнута необходимость наличия признака общественной опасности.

Подобная неопределённость формулировок не разрешила проблемы приоритета категорий (формального или материального), о чём спорили учёные до принятия нового УК РФ и продолжают дискутировать в настоящее время. Так, отмечая противоречивую природу общественной опасности, Н. Ф. Кузнецова обращает внимание на нелогичность установления вредоносного характера деяния уже после оценки его Уголовным Кодексом РФ. Ещё на одно противоречие указывают Ю. И. Скуратов и В. М. Лебедев, поскольку ст. 14 УК РФ отдельно указывает в качестве самостоятельных признаков общественную опасность и виновность как объективную и субъективную стороны преступления, трактуя их при этом и совместно, и обобщённо как объективно-субъективную категорию в ст. 15 УК РФ. Представляется убедительным предложение Н. Ф. Кузнецовой: для устранения противоречия определить категорию виновности как субъективную подсистему, равную подсистеме общественно опасного деяния [22, с. 218], что весьма актуально в связи с наметившейся в последнее время тенденцией расширения позитивистского восприятия и снижения значимости материального подхода.

Отмеченные выше сложности подчёркивают необходимость уточнения теоретических выводов по основной проблеме уголовного права о природе и сущности понятия преступления как социального явления. Более точного определения требует также и современная государственная и международная политика, поэтому уголовная правовая наука активно анализирует исторически изменчивую (с учётом потребностей не только внутригосударственных общественных связей, но и в глобальных масштабах международных правовых отношений) современную реальность. Необходим доктринальный анализ легально закреплённых в законодательстве положений и научный поиск оптимальной конструкции понятия преступления, как фундаментальной категории, после чего возможно будет обратиться к анализу производных от ключевых конструкций положений.

Между тем, до настоящего времени остаются неразрешённые вопросы, на которые обращают внимание учёные: проявляется ли общественная опасность преступления в посягательстве на господствующие общественные отношения (В. С. Карпухин) либо в нарушении (причинении вреда) охраняемым уголовным законом общественным ценностям (В. С. Прохоров), либо в фактическом причинении вреда (А. П. Козлов), либо в степени общественной опасности посягательства (А. И. Марцев) [23, с. 117].

Попытки решить эту проблему путём анализа признаков преступления, указанных в законе (виновности, противоправности, общественной опасности, наказуемости) дать ответа не смогли, на что совершенно справедливо указывает Н. Ф. Кузнецова. Не увенчались успехом и попытки сформировать новую философскую концепцию уголовного права на основании 4-х типов взаимосвязей, которые отдельно и взаимно взятые вместе раскрывали бы содержание и соотношение признаков преступления как социального явления и «конфликтного правоотношения» [24, с. 289]. Кроме того, современное общество нуждается в правовой доктрине, отражающей не только охрану классовых и групповых интересов, но и уголовно-правовую защиту общечеловеческих ценностей от преступных посягательств в общемировом просторе, поэтому следует согласиться с Е. В. Елифановой: «существует настоятельная потребность качественно нового осмысления понятия преступления» [25, с. 8], тем более, что сейчас в современном мире проявляется стремление нарушить сложившийся мировой правопорядок с помощью насилия и нарушения основных прав человека со стороны экстремистских образований.

Список литературы

1. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
3. Історія держави і права країн Стародавнього світу: Навч. посібник. – Львів: Світ, 2001. – 384 с.
4. Косарев А. И. История государства и права зарубежных стран/А.И. Косарев. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2012. – 376 с.
5. Бачихин В. А., Чефанов В. А. История философии права. – Харьков. 1998. – 234 с.
6. Власов В. И., Власова Г. Б. История политических и правовых учений. – Ростов-на-Дону, 2003. – 512 с.
7. Малиновский А. Уголовное право зарубежных государств – М.: Новый юрист, 1998. – 128 с.
8. Всеобщая история государства и права: Древний мир: Древний Рим. Учебник. Ч. 1: Вып. 2 / Перетерский И. С. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 195 с.

9. Уголовное право России. Часть общая: учебник для бакалавров /отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014 – 568 с.
10. Российское законодательство X –XX веков. Том 6. Законодательство первой половины XIX в. –М., 1988. – 276с.
11. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная часть / под ред. Н.Е. Крыловой. – М., Юрист, 2013. –1054 с.
12. Назаренко Г.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: Ось-89, 2005 г. – 256 с.
13. Наумов А. В. Уголовное право России. Общая часть. – М., Юрист, 2003 –493 с.
14. Баранов В. И. Понятие преступления в уголовном праве. – Самара, 2000. –93 с.
15. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2014. –224 с.
16. Малков В. П. Характер и степень общественной опасности преступлений в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция. – 2008. – № 9. – С. 45-48.
17. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т.1. – СПб., 1863. – 428с.
18. Сергиевский И. Д. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. д.ю.н. В. С.Комиссарова, д.ю.н. Н. С.Крыловой, д.ю.н. И. М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 879с.
19. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть /под ред. и с предисл. И. Д.Козочкина. – М.: Омега, 2003 – 576 с.
20. Гонтарь И. А. Преступления и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 200с.
21. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. – М.: Норма-инфра-М, 1998. – 678 с.
22. Курс уголовного права. В 5 томах. Т.1 Общая часть: Учение о преступлении /под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002. – 334 с.
23. Марцев А. И. Преступление: сущность и содержание: Учеб. пособие. Омск, 1986. – 68 с.
24. Философия уголовного права / под ред. Ю.В. Голика/. – СПб., 2004. – 360с.
10. Епифанова Е.В. Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 7-11.

Podkorutova L. Social and legal conception of crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – P. 98 – 106.

One of the types of social deviation which possesses the power to affect the functioning of the entire society is a crime. In the given paper we study the problem of historical versatility of the conception itself, and range of crimes taking into consideration the common interpretation of its negative influence on the society. We emphasize the needs of the society to take timely and proper measures to improper behavior of certain individuals establishing the most significant public benefits protected under the threat of punishment. Analyzing the guidelines to definition of values protected by law, it is noted that they depend on both economic relations within the society and on the developmental level of the state. It is also stressed that a triad of such values as property, personality, and state is being defended during all the historical stages of state development. We analyze the historic experience of criminal and legal formation of conception in a common interpretation of crime. We note that it is not enough only to fix the act in the criminal law to define the conception of crime; it is necessary to carry out a doctrinal interpretation of legally provided regulations and scientific research for optimum pattern of conception of crime as a fundamental category. We make conclusions about the necessity of protection from criminal infringements not only class and group interests, but also of universal values.

Key words: crime, state, society, personality, social value, legislation, legal doctrine.

Spisok literatury

1. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektsiy /pod red. N.I.Matuzova, A.V.Malko. – 2-e izd., pererab. I dop. – М.: Yurist, 2001. – 776s.
2. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast obschaya. V 2 t. T. 1. – М.: Nauka, 1994. – 380 s.
3. Ictoriya derzhavi i prava kraYin Starodavnego svitu: Navch.posibnik. – Lviv: Svit, 2001. – 384s.
4. Kosarev A. I. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyih stran/A.I. Kosarev. – 3-e izd. – М.: Yurisprudentsiya, 2012. – 376 s.
5. Bachihin V. A., Chefanov V.A. Istoriya filosofii prava. – Harkov. 1998. –234s.
6. Vlasov V. I., Vlasova G.B. Istoriya politicheskikh i pravovyih ucheniy. –Rostov-na-Donu, 2003. – 512s.
7. Malinovskiy A. Ugolovnoe pravo zarubezhnyih gosudarstv – М.: Novyyi yurist, 1998. – 128s.
8. Vseobschaya istoriya gosudarstva i prava: Drevniy mir: Drevniy Rim. Uchebnik. Ch. 1: Vyip. 2 / Pereter-skiy I. S. – М.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1945. – 195 с.
9. Ugolovnoe pravo Rossii. Chast obschaya: uchebnik dlya bakalavrov / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014 – 568 с.

10. Rossiyskoe zakonodatelstvo H –HH vekov. Tom 6. Zakonodatelstvo pervoy polovinyi HHH v. –M., 1988. – 276s.
11. Ugolovnoe pravo zarubezhnyih stran. Obschaya i osobennaya chast / pod red. N.E. Kryilovoy. – M., Yurist, 2013. –1054s.
12. Nazarenko G. V. Ugolovnoe pravo. Obschaya chast. Kurs lektsiy. – M.: Os-89, 2005 g. – 256 s.
13. Naumov A. V. Ugolovnoe pravo Rossii. Obschaya chast. – M., Yurist, 2003 – 493s.
14. Baranov V. I. Ponyatie prestupleniya v ugovnom prave. – Samara, 2000. – 93s.
15. Ugolovnyiy Kodeks Rossiyskoy Federatsii. – Moskva: Prospekt, 2014. –224s.
16. Malkov V.P. Harakter i stepen obschestvennoy opasnosti prestupleniy v sisteme obschih nachal naznacheniya nakazaniya // Rossiyskaya yustitsiya. – 2008. – № 9. – с.45-48.
17. Spasovich V. D. Uchebnik ugovnogo prava. T.1. – SPb., 1863. – 428s.
18. Sergievskiy I. D. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obschaya chast /pod red. d.yu.n. V. S.Komissarova, d.yu.n. N. S.Kryilovoy, d.yu.n. I. M. Tyazhkovoy. – M.: Statut, 2012. – 879s.
19. Ugolovnoe pravo zarubezhnyih gosudarstv. Osobennaya chast /pod red. i s predisl. I. D. Kozochkina. – M.: Omega, 2003 – 576s.
20. Gontar I. A. Prestupleniya i sostav prestupleniya kak yavleniya i ponyatiya v ugovnom prave. – Vladivostok : Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1997. – 200s.
21. Nersesyants V. S. Istoriya politicheskikh i pravovyih ucheniy. Uchebnik dlya vuzov. – M.: Norma-infra-M, 1998. – 678 s.
22. Kurs ugovnogo prava. V 5 tomah. T.1 Obschaya chast: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznetsovoy i I. M. Tyazhkovoy. – M., 2002. – 334s.
23. Martsev A. I. Prestuplenie: suschnost i sodержanie: Ucheb. posobie. Omsk, 1986. — 68 s.
24. Filosofiya ugovnogo prava / pod red. Yu.V. Golika/. – SPb., 2004. – 360s.
25. Epifanova E. V. Rossiyskaya ugovno-pravovaya nauka o ponyatii prestupleniya // Zhurnal ros-siyskogo prava. – 2008. – № 4. – S. 7–11.